
РОССИЯ: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

С. А. НЕФЕДОВ

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И МЕНТАЛИТЕТ XVII ВЕКА

Статья посвящена идеологическому и ментальному конфликту, которым сопровождалось начало российской модернизации в середине XVII в. Появление в России голландских и английских купцов и наемников привело к столкновению православной и протестантской духовной традиции. Следствием этого столкновения была деятельность патриарха Никона и гонения на иноземцев в начале 1650-х годов.

Ключевые слова: протестантизм, православие, менталитет, модернизация, традиция, Россия, Голландия, Англия, торговля, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, Кокуй.

Когда Ричард Ченслор в 1553 году открыл морской путь в Россию, он не задумывался о том, какое влияние это окажет на судьбы людей, хотя по значению это открытие было сравнимо с открытием пути в Индию. Как и Васко да Гама, Ченслор думал лишь о торговых прибылях. «Открытие России... может показаться подвигом почти героическим, – напишет позднее Дж. Мильтон, – если бы это предприятие было внушено более высокими побуждениями, чем чрезмерная любовь к корысти и торговле» (цит. по: Алпатов 1976: 196). Слова Мильтона можно было бы сделать эпиграфом к нашей статье – речь пойдет о том, какую роль играет корысть и торговля в контакте цивилизаций.

После открытия пути вокруг Скандинавии «морскими воротами» России стал Архангельск. В Архангельск приходили десятки кораблей – по большей части голландских; отсюда русские купцы могли отправиться в плавание, и после месячного путешествия пе-

ред ними открывался вид Амстердама – центра западной цивилизации. Амстердам производил одинаковое впечатление на всех купцов и путешественников. «Я ничего не видывал такого, что бы так меня поразило, – писал один француз. – Невозможно вообразить себе, не увидев этого, великолепную картину двух тысяч судов, собравшихся в одной гавани» (Бродель 1992: 180). Большинство из этих судов были знаменитые «флейты» – корабли, обеспечившие голландцам господство на морях и позволившие захватить в свои руки мировую торговлю. С появлением флейта стали возможны массовые перевозки невиданных прежде масштабов, и голландцы превратились в народ мореходов и купцов; им принадлежали 15 тысяч кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам, вместе взятым. Колоссальные прибыли от монопольной посреднической торговли подарили Голландии богатства, сделавшие ее символом буржуазного процветания. Посредническая торговля – совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства – ведь они имели европейское оружие и господствовали на море. Таким образом, они могли добиться торговых привилегий и в некоторых случаях получали возможность организовать крупномасштабную скупку местных товаров непосредственно у производителей. Затем они везли эти товары в порты продажи, даже не заходя в Амстердам, и продавали русскую рожь в Италии, индийский перец – в Пруссии и т. д. Им было все равно, с кем торговать и чем торговать: они продавали французам оружие в то время, когда Голландия воевала с Францией. Их родиной был весь мир; они изучали чужие языки и устраивались на жительство там, где вели дела. Посредническая торговля сформировала менталитет голландских купцов. «В делах голландцев господствует чудовищная, неопикуемая жадность и алчность, – писал венецианский посол, – и это покоится на догме и учении Кальвина» (Бааш 1949: 35). В соответствии с этим учением алчность была не пороком, а достоинством, и успех в делах был признаком «богоизбранности», признаком того, что удачливому дельцу обеспечено спасение души и место в раю. Достижения в торговле, таким образом, позволяли голландцам утверждать, что они являются единственными носителями всех добродетелей, свойственных западному миру (Там же: 36).

Формула о стяжании как средстве спасения души была новой для христианского мира; она была принесена Реформацией, опрокинувшей многие основы христианской этики. Хорошо известно, что раннее христианство отвергало идею наживы: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие», – говорил Иисус (Матф. 19:24). Частная собственность мыслилась прочно связанной с состоянием греховности; укорененная во зле, она сохраняла на себе печать порока. «Всякое богатство, – восклицает Иероним, – происходит от нечестия. Посему, мне кажется, весьма правильно говорят в народе: “Богач – либо бесчестный человек, либо наследник бесчестного”» (Jerôme 1838: 79).

Восходившая к раннему христианству мораль католиков и православных осуждала стяжание; в 1187 году III Латеранский собор объявил, что ростовщичество осуждено Святым Писанием, отлучил ростовщиков от церкви, отказав им в христианском захоронении и в праве приносить пожертвования. Во Флоренции, изначальном центре европейского капитализма, купцов и банкиров терпели с трудом, и страстная проповедь Савонаролы стала символом борьбы против роскоши и наживы. Раннехристианская мораль допускала для богатых лишь одно средство спасения души – покаянную молитву и раздачу большей части богатств в качестве милостыни (Кудрявцев 1988: 76–86).

Протестантизм принес с собой революцию в сфере морально-этических норм – революцию, ярко освещенную в «Протестантской этике» М. Вебера. Отныне человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, писал Вебер (Weber 1920: 35). Это было то новое, чего не мог понять венецианский посол, упрекавший голландцев в непомерной алчности, и то, чему удивлялись православные русские люди, наблюдая за кипучей деятельностью голландцев.

Осуществляя торговую интервенцию и захватывая торговлю других народов, голландцы не могли рассчитывать на их добрые чувства. Но вместе с тем успехи голландских купцов вызывали зависть и стремление к подражанию. Голландия стала примером, вызвавшим подражание всей Европы, – по Европе стала распространяться волна модернизации по голландскому образцу. Каждое государство стремилось завести свой флот и вступить в торговлю с дальними странами – и, конечно, без голландских посредников. В 1651 году Англия запретила ввоз в страну товаров на голланд-

ских судах, затем этому примеру последовала Франция. Министр Людовика XIV Жан-Батист Кольбер осуществил масштабную модернизацию французской промышленности по голландскому образцу и создал французский флот. Повсюду по примеру голландцев создавались купеческие компании, которые строили мануфактуры и осваивали новые сферы предпринимательской деятельности. Распространяясь по Европе, волна модернизации по голландскому образцу достигла Пруссии и Австрии – здесь тоже строили мануфактуры и пытались создать свой флот. Далее наступила очередь России. С. М. Соловьев (1984: 33) писал, что основное движение российской преобразовательной эпохи – это начатое Кольбером движение подражания Голландии.

Голландская торговая интервенция в России началась сразу после Смуты, когда для торговли открылись пути в глубь страны. В 1618 году в Архангельск пришли 30 голландских кораблей, а в 1630 – около 100 голландских и несколько английских судов. В России голландцы закупали кожи, сало, меха, пеньку, поташ (продукт переработки золы, который использовали в производстве стекла и мыла). Однако больше всего купцов интересовало зерно, цены на которое в России были в 15–20 раз ниже, чем в Европе, и торговля зерном давала до 1000 % прибыли. По русским законам зерно можно было покупать только у государства, но голландцы давали взятки местным властям и скупали зерно у населения. В 1629 году в Вологде при досмотре было обнаружено 11 тайных складов, устроенных для голландских купцов. В 1630 году голландцы официально добились права проезжать от Архангельска в центральные районы и торговать в русских городах. «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан выгоды, – свидетельствует Коллинс. – Голландцы налетают, как саранча, и всюду бросаются, куда манят их выгоды. В России их принимают лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и, таким образом, приобретают их покровительство» (Коллинс 1997: 226).

Нужно сказать, что лишь немногие страны предоставляли иностранцам столь благоприятные условия для торговли – к примеру, в Польше голландцев не пускали дальше границы. Московское правительство ценило голландских купцов потому, что они поставляли в Россию оружие, мушкеты и пушки, без которых не могло обойтись русское войско. Голландская торговая интервенция охватила всю Россию: почти в любом городе можно было встретить

голландцев или их агентов, закупающих русские товары по самым низким ценам. Обороты торговли быстро росли; к середине XVII века стоимость товаров, ежегодно вывозимых из Архангельска, достигла 1,2 млн. рублей, или 6,2 млн. ливров. Это была весьма значительная сумма; для сравнения можно отметить, что стоимость французского экспорта, до реформ Кольбера осуществлявшегося (так же, как в России) на голландских судах, составляла около 16 млн. ливров. Учитывая, что население Франции было в три раза больше, чем население России, и что Франция расположена намного ближе к Голландии, нужно признать, что голландская торговая интервенция в России приобрела огромные масштабы (Новосельский, Устюгов 1955: 129–132; Платонов 1925: 98–99; Соловьев 1990: 139; Бааш 1949: 286).

Около 1630 года в Россию приехал очень богатый голландский купец Андрей Виниус, который поначалу, как и другие купцы, занимался скупкой хлеба, – иной раз он закупал до 100 тысяч пудов. Виниус сумел угодить московским приказным тем, что торговал «без хитрости и корысти», и в 1631 году он получил право свободного торгога. В 1632 году Виниус обратился к царю с неожиданным предложением: он просил разрешения построить в Туле доменный завод для отливки пушек «по иностранному способу из чугуна». Идея Виниуса была проста: он собирался выручить хорошие деньги на казенных заказах, а остальные пушки вывозить за границу. Шведские чугунные пушки стоили в России примерно 1,5 рубля за пуд, Виниус предлагал поставлять по 60 копеек за пуд, а действительная цена была около 10 копеек. Как бы то ни было, для русского правительства это было чрезвычайно выгодное предложение: голландцы сами, с минимальной помощью, обещали построить домны, привезти мастеров, раскрыть все секреты, научить русских литейному делу и снабдить русское войско пушками. К 1637 году Виниус построил в районе Тулы четыре завода; однако строительство требовало больших затрат, и голландский предприниматель был вынужден взять в компаньоны двух других купцов, Петра Марселиса и Телемана Акему. Через некоторое время компаньоны рассорились, не поделив прибыли; в характерном для голландцев стиле они называли друг друга «бездушными шельмами». В конечном счете Марселис и Акема отняли у Виниуса его дело, но Виниус все же не остался внакладе, он по-прежнему слыл очень богатым человеком. Царь оказывал уважение Виниусу, давал ему пору-

чения по иностранным делам и наделил пышным титулом: «Его царского величества Российского государя комиссар и московский гость» (Гамель 1828: 6–12, 27; Новосельский, Устюгов 1955: 88–89; Платонов 1925: 12; Бакланов и др. 1934: 13, 56; Соловьев 1990: 291).

Марселис и Акема также пользовались большим почетом у царя; они расширили предприятие Виниуса, и к 1660 году в России было уже семь заводов, которые могли выпускать сотни пушек в год. Биограф Марселисов говорит о них: «Это – эксплуататоры, сумевшие втереться в доверие правительству и приобрести себе выгодные права, но в то же время это – люди энергичные, умевшие широко поставить задуманное ими предприятие. Значение их в истории русской промышленности этой эпохи чрезвычайно велико: они были представителями капитала в тогдашнем русском обществе, жившем еще в сфере натурального хозяйства...» (цит. по: Платонов 1925: 126). Марселисы, Виниус, Акема – это были изощренные предприниматели-менеджеры, волею случая попавшие в средневековую патриархальную страну; они делали свой бизнес без зазрения совести и с максимальной эффективностью. «Деловой расчет легко разрастался у них до эгоистического меркантилизма, в особенности когда дело касалось русских, как лиц чуждых для них, – писал Д. Цветаев (1890: 338). – Ведь даже люди их собственной среды, одинаковые по привычкам и положению, терпели часто в неминуемой взаимной борьбе».

В то же время нельзя не признать, что деятельность этих «капиталистических хищников» приносила очевидную пользу России; голландские капиталисты создали русскую металлургическую промышленность и обеспечили русскую армию современной артиллерией. Это был очевидный успех политики привлечения иностранных инвестиций; в 1646 году в Голландию было вывезено 600, а в 1647 году – 340 пушек. В 1668 году Марселис докладывал в посольский приказ, что «литых пушек мочно сделать, сколько надобно», ядра и гранаты изготовляли на тульских заводах десятками тысяч. Хуже было с мушкетами, их делали мало, и приходилось закупать огромные партии мушкетов в Голландии и Швеции (Олеарий 1986: 333; Елифанов 1969: 267; Бакланов и др. 1934: 57, 131).

Иностранные купцы строили в России не только пушечные заводы. Голландец Демулин построил канатную фабрику в Холмогорах, Фимбрант завел производство по выделке кож, «астрадамлянин» Е. Коег создал стекольное и поташное производства. В лес-

ной России выжиг золы и поташа был чрезвычайно выгодным делом, привлекавшим многих предпринимателей. В 1644 году полковник Краферт получил разрешение организовать производство поташа в Муромских лесах. В Муромском и Арзамасском уездах располагались вотчины многих московских вельмож, и – видимо, по примеру Краферта – московские бояре тоже стали выжигать поташ и продавать его голландцам. Почувствовав вкус огромных прибылей, некоторые представители знати были буквально охвачены лихорадкой предпринимательства. Бояре Б. И. Морозов и Я. К. Черкасский с начала 40-х годов скупали лесные земли Арзамасского уезда и заводили будные станы для производства поташа. Морозов занимался и другими прибыльными делами: одно время он был компаньоном Виниуса, и, очевидно, по его примеру выписал из-за границы мастеров и основал небольшой доменный завод. В торговые операции с голландцами были втянуты и некоторые русские купцы – ярославцы Назарий Чистой и Антон Лаптев ездили со своими товарами в Голландию (Бакланов и др. 1934: 13; Соловьев 1990: 292, 458; Новосельский, Устюгов 1955: 104, 119; Щепетов 1961: 29–30; Патрикеев 1967: 113, 114, 198; Курц 1915: 51–52).

Таким образом, часть русской знати и купечества увлеклась примером голландцев: эти русские «западники» занимались предпринимательством и подражали иноземцам в быту, украшали свои дома картинами, покупали часы и музыкальные инструменты. Некоторые учили иностранные языки, к примеру, известный купец Петр Микляев испросил разрешение, чтобы его сын учился немецкому и латыни. Вопреки православной традиции многие подстригали или брили бороды. «Сею ересью не токмо простые, но и самодержавные объаты быша», – свидетельствует современник (цит. по: Платонов 1925: 79). Пример подражания немецким вкусам подавал двоюродный брат царя Никита Иванович Романов. В его доме постоянно играли немецкие музыканты, он одевался сам и одевал свою свиту в немецкое платье; все это вызывало крайнее недовольствие патриарха (Олеарий 1986: 339, 355).

Русские «западники» составляли «партию реформ», но их было сравнительно немного. Что думало по поводу голландского вторжения большинство населения? Вспомним Коллинса: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан хлеб...» Если «нападение саранчи на Москву» вызывало недовольство у *англичан*, то естественно, оно вызывало яростный протест и у русских

купцов. В 1628 году царю была представлена первая челобитная с протестами против торговли иноземцев. Купцы писали, что после Смуты иноземцы проникли внутрь Московского государства, они покупают дворы в городах, держат на них свои товары, не заявляя о них в таможеню, продают свои товары в розницу, чем у русских «торги отняли». Они занимаются даже внутренней торговлей – скупают в устье Двины соль и продают ее в Москве. Товарами, скупленными в России, они торгуют меж собой в Архангельске, не платя пошлин. Такие массовые челобитья повторялись много раз: в 1635, 1637, дважды в 1639, в 1642, 1646 годах; купцы и посадские люди жаловались на свое «конечное разорение» и все настойчивее просили закрыть внутренние районы для иноземной торговли (Соловьев 1990: 288–289; Платонов 1925: 99–100; Смирнов 1948: 14).

«Конечное разорение» привело к тому, что на Руси крепко невзлюбили «галанских», «аглицких», «амбурских» и других «немцев». Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить им вдогонку камень. «Их громко обзывают глупейшей бранью, “шишами”, – свидетельствует Рейтенфельс (1997: 348), – ведь, право, этим шипением (“кыш!” – С. Н.) обычно пугают птичек». По утверждению Олеария (1870: 371), от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство. Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы» – табака. Неприятие иностранцев объяснялось не только торговыми интересами, это был конфликт людей, принадлежавших к разным культурам и имевших разный менталитет (Витсен 1996: 153; Уланов 1991: 48–50).

Как голландская, так и русская культура имели в своей основе религиозную традицию: в одном случае это было учение Кальвина с его идеалом стяжания, в другом – православие с его восходящими к раннему христианству идеалами любви и братства. Православные идеалы были сильны своей близостью изначальному строю жизни русской крестьянской общины. Символом тогдашней крестьянской жизни были традиционные праздники, Пасха и Троица, когда все село собиралось на пир-братание, «братчину»: возле церкви ставили столы, выносили иконы и, помолвившись, приступали к пиршеству. На братчинах царяла христианская атмо-

сфера любви и братства, здесь мирили поссорившихся и творили общинный суд; всем миром выбирали старосту и сотского. Община следила, чтобы все было по справедливости, и помогала нуждающимся: существовал древний обычай «помочи», когда весь «мир» строил дом погорельцу или убирал поле заболевшего крестьянина (Горская 1990: 142–143; Зеленин 1991: 361–362).

Еще одним символом тогдашней русской жизни был монастырь – это другая община, существовавшая рядом с крестьянской. Если крестьянская община вела свое начало с дохристианских времен и допускала кое-какие отступления от строгих требований Иисуса (в том числе и частную собственность), то русская монашеская община было устроена прямо по заветам Христа. По-гречески монастырь назывался «киновий», а по латыни – «*коммуна*»: русские монахи жили, как первые христиане, «коммунами». «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, *но все у них было общее*», – говорится в «Деяниях Апостолов». Монахи работали в поле, питались за одним столом «чем бог пошлет», приглашали за этот стол всех странников, давали приют старикам и больным, а в годы неурожая безвозмездно раздавали крестьянам хлеб. Олеарий говорит о суровом образе жизни русских монахов: они носили грубую одежду, не ели мяса и свежей рыбы, не держали вино и водку, питались тем, что выращено в своем хозяйстве (Олеарий 1986: 407, 409). Монахи проводили жизнь в труде и молитве, они все отдавали бедным, их заповедями были нестяжание и любовь к ближнему своему. «Станем любить друг друга не словом или языком, но делом и истиною», – говорится в Послании Иоанна Богослова. Но не только монахи – все русские, в городах и деревнях, считали своим долгом помогать беднякам. «Они отличаются беспримерной благотворительностью по отношению к бедным, – свидетельствует Рейтенфельс, – для их просьб у них всегда открыты уши и разжаты руки». Тосканский посол с изумлением наблюдал, как у богатых домов поутру собирались группы нищих, и им никогда не отказывали в похлебке. Другой народной чертой, вызывавшей удивление иностранцев, было знаменитое русское хлебосолюство, желание накормить и напоить гостя «до упаду». «Они думают, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись предварительно и не напившись за одним столом», – писал Рейтенфельс (1997: 346, 349). Любопытно, что иноземцы из Не-

мецкой слободы впоследствии заимствовали обычай хлебосољства у русских (Ковригина 1992: 145).

Россия была сельской страной, и ее облик определялся деревнями, монастырями и церквями на зеленых холмах. Городов было мало, и купцы не играли такой роли, как в Голландии; по существу, единственным крупным городом, средоточием купеческого населения, была Москва. Торговля определяет нравы независимо от страны и от религии, и в своем стремлении к наживе московские купцы мало отличались от голландских. «Как только они начинают клясться и божиться, знай, что тут кроется коварство, ибо клянутся они с намерением обмануть», – писал о московских купцах Сигизмунд Герберштейн (1988: 127). Олеарий рассказывает анекдотическую историю, как московские купцы, которых один голландец «надул» на огромную сумму, упрашивали его вступить в их товарищество и научить своему «искусству» – и Коллинс свидетельствует, что действительно с тех пор, как москвичи стали вести дело с голландцами, они усвершенствовались в обманах (Олеарий 1870: 168; Коллинс 1997: 226). Однако наблюдательные иностранцы не могли не заметить, что москвичи не похожи на других русских. «Народ в Москве гораздо хитрее и лукавее всех прочих... – свидетельствует Герберштейн (1988: 133), – они и сами прекрасно знают об этом обстоятельстве, а потому всякий раз, когда обращаются с иноземцами, притворяются, будто они не московиты...» Точно так же и Рейтенфельс (1997: 346) говорит, что москвичи считаются намного более хитрыми, чем жители провинции. Таким образом, не московские купцы определяли менталитет русского народа – хотя нужно, конечно, учитывать, что разные социальные слои имеют разные обычаи.

Иностранцы, посещавшие Россию в XVI–XVII веках, отмечали исключительную набожность русских (Ключевский 1991: 10). В городах на каждые пять домов приходилось по церкви; бесчисленные купола и колокольный перезвон создавали непередаваемую атмосферу православного царства, «Святой Руси». В соответствии с православной традицией «Святая Русь» воспринималась как единая община, связанная узами любви и взаимопомощи. Главой этой общины был царь, символ правды и справедливости. «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве», – таково было главное напутствие царю в старинном чине венчания (Приселков 1989: 248). Право-

славные видели в царе своего защитника и опору, всякий мог обратиться к царю с челобитьем, и судьям давался строгий наказ быть внимательными к жалобщикам: «А каков жалобник к боярину придет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа...» (цит. по: Черепнин 1951: 282). При всем своем могуществе царь выступал как слуга Бога: в Вербное воскресенье он шел в торжественной процессии, ведя на поводу ослика, символизировавшего животное, на котором Иисус въезжал в Иерусалим (Христа изображал патриарх, а Новым Иерусалимом была Москва). Святой обязанностью царя было молиться за Русь и совершать паломничества по монастырям; Иван IV однажды прошел босым 38 верст от Москвы до Свято-Сергиева монастыря (Савва 1901: 138; Биллингтон 2001: 99). Алексей Михайлович стоял на всенощных по шесть часов и отбивал по тысяче поклонов; он держал во дворце, как в богадельне, убогих стариков и нищих. Перед Пасхой царь обходил тюрьмы, разговаривал с колодниками, миловал тех, кто искупил вину, и платил за тех, кто сидел за долги, если они задолжали не из корысти. Коллинс (1997: 225) свидетельствует, что царь тратил на выкуп должников очень большие деньги, а Олеарий утверждает, что в Московии существовала *государственная система помощи нуждающимся крестьянам*. «Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая или по другим случайностям и несчастьям, – говорит Олеарий (1986: 356), – то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству».

Православная традиция любви и взаимопомощи, общинный строй жизни, отеческое отношение царя к подданным и обычай советоваться с ними на соборах – все это позднее стало именоваться русской «*соборностью*». В трудах славянофилов «соборность» стала воплощением «русской идеи», тем, что отличало «Святую Русь» от «корыстного и растреленного Запада». Россия была единственной страной, сохранившей истинную веру – православие; она была окружена врагами Бога, «еретиками», «латинянами» и «магометанами». Вековая борьба под знаменем веры позволяла русским, подобно древним евреям, считать себя народом, избранным Богом. Иван Грозный постоянно ссылался на «Книгу царств» и представлял себя библейским царем, ведущим избранный народ на борьбу

с «ханаанянами» и «филистимлянами». Своеобразным символом отношения к окружающим народам был обычай, когда царь подавал послу руку для поцелуя, а потом омывал ее в чаше (Георгиева 2001: 35–36; Биллингтон 2001: 106).

Православие предписывало определенные правила поведения в обыденной жизни. «Вся домашняя жизнь велась по полумонашеским правилам “Домостроя”», – отмечает Дж. Биллингтон (2001: 100). Царские указы напоминали православным, что в воскресные дни и праздники они должны приходить в церковь и смиренно слушать проповедь. Запрещается соблюдать старые языческие обычаи: «Скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, медведей не водить, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, личин на себя не одевать, кобылок бесовских не наряжать» (Акты... 1842: 125–126). Не поощрялись занесенные «латинянами» или «магометанами» «новые веяния»: игры в карты, зернь, шахматы, игра на музыкальных инструментах. Особо тяжким преступлением считалось курение табака – курильщикам безжалостно резали носы. «Сребролюбие» также было не в почете. «Все, что имеешь, продай и раздай нищим», – сказал богачу Христос. Это не касалось знати, которая обладала богатствами в силу приближенности к царю, но обладателям несправедливо нажитого приходилось опасаться доносов. «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и *все их имущество принадлежит Богу и царю*, – свидетельствует Рейтенфельс (1905: 100), – и прячут все, что есть у них дорогого, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы...»

Несхожесть православных и протестантских традиций проявлялась буквально на каждом шагу. К примеру, русским запрещалось работать по воскресеньям, голландцы же часто работали в святой день (и во все дни, когда требуют дела); они сравнительно редко посещали церковь, а их молельные дома с голыми стенами и короткой незатейливой службой выглядели оскорблением Бога, прибежищем ереси. У протестантов не было в обычае любить ближнего своего и давать подавание – поэтому они воспринимались как жадные бездушные «еретики». Если «еретик» входил в русскую церковь, то она считалась оскверненной; нужно было очистить ее от «скверны»: вымыть полы и освятить особым обрядом; «еретику» же могло сильно не поздоровиться, его могли даже убить. «Нечистые» протестанты ни в коем случае не должны были

держат в своих домах русские иконы. Еще в 1628 году русским было запрещено наниматься на службу к «еретикам», чтобы «не повредили душу» (но этот указ плохо выполнялся: «еретики» платили слугам хорошие деньги). Торговые сделки должны были совершаться в лавках, нельзя было заходить в дома к «еретикам» и дружить с ними. Священникам было категорически запрещено разговаривать с иноземцами (Уланов 1991: 48–50; Нечаева 1991: 78; Бааш 1949: 18; Ключевский 1991: 10; Цветаев 1890: 331–334).

Конечно, проблемы российской действительности тех лет не сводились к взаимоотношениям с иностранцами – в стране было много внутренних проблем. Главной из них была военная слабость, которая обернулась страшным разорением во времена Смуты. Осознание военно-технической отсталости привело к попыткам формирования наемной армии в начале 1630-х годов, потом в 1650-х годах и, наконец, при Петре I. Перед лицом исходящего от Запада вызова создание новой армии было вопросом жизни и смерти, который побуждал к реформам. Поэтому главная заслуга реформаторов заключалась в понимании угрозы, перед которой стоит страна, и того, что ответить на силу Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости модернизации по западному образцу, и это было чрезвычайно важно: в большинстве стран Востока не понимали этой необходимости, и эти страны стали колониями европейских держав.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. IV. 1842. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг.

Алпатов, М. А. 1976. *Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая половина XVIII века.* М.: Наука.

Бааш, Э. 1949. *История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках.* М.: Изд-во иностр. лит-ры.

Бакланов, Н. Б., Мавродин, В. В., Смирнов, И. И. 1934. *Тульские и каширские заводы в XVII веке.* М.; Л.: ОГИЗ.

Биллингтон, Дж. 2001. *Икона и топор.* М.: Рудомино.

Бродель, Ф. 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках:* в 3 т. Т. 3. М.: Прогресс.

Витсен, Н. 1996. *Путешествие в Московию 1664–1665.* СПб.: Симпозиум.

Гамель, И. 1828. *Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении*. М.: Тип. А. Семена.

Георгиева, Т. С. 2001. *Христианство и русская культура*. М.: ВЛАДОС.

Герберштейн, С. 1988. *Записки о Московии*. М.: Изд-во МГУ.

Горская, Н. А. (ред.) 1990. *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции*: в 5 т. Т. 2. М.: Наука.

Епифанов, П. П. 1969. *Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII века)*: дис. ... д-ра ист. наук. М.

Зеленин, Д. К. 1991. *Восточнославянская этнография*. М.: Наука.

Ключевский, В. О. 1991. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. М.: Прометей.

Ковригина, В. А. 1992. К проблеме взаимовлияния русской и западноевропейской культур в конце XVII – первой четверти XVIII века. В: Копылов, А. Н. (ред.), *Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени* (с. 140–149). М.: Ин-т рус. ист. РАН.

Коллинс, С. 1997. Нынешнее состояние России. В: Либерман, А. (сост.), *Утверждение династии* (с. 185–230). М.: Рита-Принт.

Кудрявцев, О. Ф. 1988. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья. В: Чиколини, Л. С. (ред.), *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения* (с. 76–86). М.: Наука.

Куриц, Б. 1915. Состояние России в 1650–1655 годах по донесениям Родеса. *Чтения в ОИДР* II, 2: 1–246.

Нечаева, В. В. 1991. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века. В: Мартышкин, А. М. (сост.), *Три века*. Т. II. (с. 39–76). М.: ГИС.

Новосельский, А. А., Устюгов, Н. В. (ред.) 1955. *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век*. М.: Изд-во АН СССР.

Олеарий, А.

1870. *Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию*. М.: Общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те.

1986. Описание путешествия в Московию. В: Лимонова, Ю. А. (сост.), *Россия XV–XVII веков глазами иностранцев* (с. 287–470). Л.: Лен-издат.

Патрикеев, Д. И. 1967. *Крупное крепостное хозяйство XVII в.* Л.: Наука.

- Платонов, С. Ф.** 1925. *Москва и Запад в XVI–XVII веках*. М.: Сеятель.
- Приселков, М. Д. (ред.)** 1989. *Полное собрание русских летописей*. Т. 12. Л.: Наука.
- Рейтенфельс, Я.**
1905. *Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии*. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, арендуемая В. И. Воронцовым.
1997. Сказание о Московии. В: Либерман, А. (сост.), *Утверждение династии* (с. 231–406). М.: Рита-Принт.
- Савва, В. И.** 1901. *Московские цари и византийские василевсы*. Харьков: Тип. М. Зильберберг.
- Смирнов, П. П.** 1948. *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века*: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Соловьев, С. М.**
1984. *Публичные чтения о Петре Великом*. М.: Наука.
1990. *Соч.*: в 18 кн. Кн. 5. М.: Мысль.
- Уланов, В. Я.** 1991. Западное влияние в Русском государстве. В: Мартышкин, А. М. (сост.), *Три века*. Т. II. (с. 39–76). М.: ГИС.
- Цветаев, Д.** 1890. *Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований*. М.: Б. и.
- Черепнин, Л. В.** 1951. *Русские феодальные архивы XIV–XV веков*. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР.
- Щепетов, К. Н.** 1961. Помещичье предпринимательство в XVII веке (по материалам хозяйства князей Черкасских). В: Устюгов, Н. В. и др. (ред.), *Русское государство в XVII веке*. М.: Изд-во АН СССР.
- Jerôme, Saint.** 1838. *Oeuvres*. Paris: M. Benoit.
- Weber, M.** 1920. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. I. Tübingen: Mohr.